

Ответы Святейшего Патриарха Кирилла на вопросы журнала «Forbes France»

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл ответил на вопросы журнала «Forbes France».- Ваше Святейшество, как известно, Вы принимали самое деятельное и непосредственное участие в разработке документа «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», принятого на Юбилейном Архиерейском Соборе 2000 года, в котором была сформулирована и систематизирована позиция Церкви по широкому кругу проблем, имеющих отношение к жизни общества и в котором, в частности, делается акцент на важности благотворительности и социальной работы в мире, где все больше неравенства. Таким образом, Вы предварили Папу Римского Франциска и его знаменитое утверждение о «Церкви, которая бедна и для бедных». В отличие от вас обоих экономическая наука постулирует естественный эгоизм человека, который стремится только к максимизации индивидуального удовольствия, часто посредством греха. Каким образом альтруистическая доброжелательность может предложить третий путь между гиперматериалистическим капитализмом и революционным марксизмом?

– Стремление к самообогащению как высшей цели жизни, как и самодовольный социальный эгоизм – противны христианскому мировоззрению. И стимулирует эти стремления, как мне представляется, не экономическая наука, для которой абсолютизация тех или иных факторов нехарактерна по природе. Скорее, эту роль выполняют финансово-экономические элиты, транснациональные корпорации. Причина поощрения потребительского инстинкта очень проста: максимизация прибыли, невзирая на социальные и личностные последствия. Но разве не нравственная деградация обезбоженного общества, порождающая безудержное стремление к обладанию материальными благами, к обогащению любыми средствами, включая обман, коррупцию, криминал, несправедливое распределение сверхприбылей, – и является источником кризиса, больно бьющего по миллионам самых уязвимых людей? Эта та цена, которую мы платим за согласие на возведение «золотого тельца» на пьедестал общественной и личной жизни.

Превращение и капитализма, и марксизма в подобие новой квазирелигии – одинаково недопустимо. Мы, прошедшие эпоху коммунизма, хорошо знаем, что идея социальной справедливости, превращенная в агрессивную идеологию, разрушает все вокруг себя. Сотни тысяч незаконно казненных за веру, создание социального гетто для враждебных классов – вот реальность «коммунистического рая на земле».

Не менее опасно и «капиталистическое евангелие», рассматривающее падение коммунизма как доказательство своей безупречности и безальтернативности. Уже сейчас мы видим, что христиане западных стран в своем следовании евангельским идеалам умеренности в материальных благах и жертвенному служению ближним все менее вписываются в идеальную картину мира потребления.

Долг Церкви – призвать тех, в чьих руках рычаги экономической власти, осознать свою ответственность перед Богом, Его творениями и людьми и засвидетельствовать это через реальную заботу о благополучии трудящихся. Каждый должен жить достойно, как и подобает человеку. Очевидно, что созидание гармоничного мира невозможно без ясного осознания людьми необходимости устройства любой деятельности – включая экономическую – на прочной нравственной основе. Для христиан этой основой всегда являлось Священное Писание и традиция Церкви, в которой были собственные, уникальные модели построения экономических отношений и их связей с социальной жизнью – например, опыт православных монастырей. Многие города Руси начинались именно с монастыря, и это закладывало мощный фундамент в самые основы социального бытия, где христианская нравственность, милосердие, взаимовыручка и жертвенность были вложены как неотъемлемые элементы здоровых отношений между людьми.

Церковь обращается к человеку, будь он предприниматель, банкир, рабочий или крестьянин, опираясь не на ту или иную политико-экономическую платформу, а на Евангелие. Есть только один действенный способ преодолеть современный социальный и экономический тупик –

руководствоваться словом Божиим везде, где у человека есть выбор или где он должен его отстаивать. Но этому сопротивляются могущественные силы, которые готовы использовать любые средства, чтобы не допустить господства Божественных идей в сознании наших современников, ибо просвещенный Богом человек становится свободным и самостоятельным, а не безвольным исполнителем своих страстей, навязываемых современной «культурой» потребления.

– Христианские лидеры не являются профессиональными экономистами, но богословы рассматривали вопрос о производстве материальных благ. Великий католический богослов святой Фома Аквинский, например, решительно осудил ростовщичество как противоречащее природе и существующее только потому, что человеческая жадность толкает человека красть время у Бога. Вы неоднократно анализировали экономическую эволюцию России, например, 8 февраля 2012 года назвали восстановление экономики 2000-х годов «чудом Божиим при активном участии руководства страны». Скажете ли Вы, что экономический и социальный хаос в России в 1990-х годах был вызван чрезмерной жадностью российских олигархов (которые ограбили российское государство) и западных банкиров (которые довели его до банкротства)?

– Российскому государству удалось во многом преодолеть последствия экономического и социального коллапса 1990 годов, и я верю, что это было бы невозможно без Божией милости к нашему народу, прошедшему через времена гонений за веру. Ведь разрушение сложившегося в советские годы уклада жизни, хоть и не совершенного, но дающего простому человеку кусок хлеба, работу и крышу над головой, проходило параллельно с созданием церковной жизни, возвращением к духовным традициям. Убежден, что процессы духовного возрождения нашего народа, назревшие в 90-х, и заложили основу положительных явлений в экономике и социальной жизни в 2000-е годы. Я далек от того, чтобы идеализировать ситуацию тех лет. Материальные успехи для многих стали соблазном, поводом рассуждать о том, что при определенном уровне достатка вера якобы ненужная «опция». Но таких, слава Богу, меньшинство.

Да, 1990-е годы были в России временем разгула страстей, в том числе неумеренной жадности. Обогащение считалось единственной ценностью, ради достижения которой любые средства были хороши. Такая идеология стяжательства была проявлением неблагополучия меняющегося общества. Нельзя сказать, что есть какой-то список олигархов, не пояись которые на свет, все было бы по-другому. Духовная болезнь, каковой является жадность, поражает все слои общества. С нравственной точки зрения укравший рубль виновен в том же грехе, что и укравший миллиарды. Хотя, разумеется, социальные последствия несопоставимы.

Вместе с тем, человеческие страсти не знают государственных границ. Олигарх, не задумывающийся ни о чем, кроме своего кошелька, одинаково отвратителен, где бы он ни жил: в России, Германии или Франции. Русская Церковь несет свое служение во многих странах мира –

как на пространстве СНГ, так и далеко за его пределами, – и наша паства сталкивается там с похожими вызовами, вызванными изменениями в национальных экономиках.

Взимание банковского процента, конечно, не имеет столь негативных социальных последствий, как средневековое ростовщичество времен Фомы Аквинского. Но и сейчас нам пришлось столкнуться в России и в других странах канонической территории нашей Церкви с деятельностью микрофинансовых организаций, которые попросту грабят доверчивых людей. Церковь призывает положить конец этому беспределу, защитить людей от произвола так называемых коллекторских агентств.

– Православная Церковь имеет репутацию массивной, монолитной организации, лишенной гибкости, например, протестантов. Протестанты, особенно американские евангелисты, действительно гораздо более предприимчивы, гораздо более изобретательны. Недавно некоторые молодые французские католики хотели частично решить эту проблему, изобретая приложение для смартфонов, которое позволяет совершать ритуальные пожертвования во время мессы через свои смартфоны; многие священники во время изоляции во Франции начали проводить виртуальные мессы, что протестантские телепроповедники делали в течение многих лет. Поощряете ли Вы эти инициативы в Православной Церкви, которая, как известно, довольно консервативна в вопросах литургии? Что нужно для создания истинно православного предпринимательства? Можем ли мы примирить традиции и инновации?

– В самое тяжелое время пандемии, когда храмы нашей Церкви были закрыты, мы проводили трансляции богослужений, чтобы дать людям возможность молиться хотя бы у экранов своих компьютеров и телевизоров. Возникло движение «поддержи свой храм», когда прихожане, не имея возможности прийти в храм лично, посылали свои пожертвования через интернет. Эта практика получила очень большое распространение.

Но такое положение было ненормальным и вызванным той исключительной ситуацией, в которой мы оказались. Как только появилась такая возможность – люди вернулись в храмы. Миссия Церкви в мире – хранить и возвещать Истину, совершать Таинства, установленные Спасителем.

Для нас «виртуальная церковь» – это суррогат, который не может вместить всей полноты человеческого и богообщения, как не может вкусовая добавка заменить подлинный вкус продукта. Что же касается других областей христианской жизни и служения, то там инновации могут быть совершенно уместны. Церковь всегда охотно использовала новые технологии в области книгопечатания или архитектуры, и сегодня использует электронные технологии для проповеди слова Божия, активнейшим образом развивается сообщество священников-блогеров, создаются и мобильные приложения миссионерской направленности.

Православное предпринимательство в широком смысле этого слова – отдельный вопрос. Как я это с радостью вижу, сообщество православных предпринимателей развивается, множится количество благотворительных, просветительских проектов, финансируемых по зову души. Я сам знаю многих православных предпринимателей, которые весьма внимательно и серьезно относятся к своей вере, прилагают усилия к тому, чтобы понять, как нравственные принципы Православия должны отражаться в их деловой активности. Тут большую роль играет общение верующих людей между собой – и у нас создан «Союз православных предпринимателей», который принял «Этический кодекс православного предпринимателя». Он помогает верующим деловым людям правильно выстроить ориентиры в своей работе.

– Как высший руководитель Православной Церкви Вы соблюдаете аскетизм и строгую жизненную дисциплину. На встрече Группы глобальных лидеров Всемирного экономического форума Вы сказали, что «дисциплина Великого поста начинается, когда человек воспитывает себя, ограничивает себя и ограничивает свои потребности». И что «все, что сегодня происходит с климатом, с людьми, доказывает, что мы неправильно развиваемся». Какой аскетизм или дисциплину Вы бы порекомендовали русскому православному предпринимателю, готовому служить обществу?

– Христианский аскетизм – это искусство совмещения высокого внутреннего напряжения, обусловленного стремлением к исполнению заповедей Христовых, с реалиями современной жизни. Поэтому начать следует с глубокого знакомства с церковной традицией: изучением того, какими путями достигалась святость. Безусловно, все начинается с внутренней дисциплины, когда на место все заполняющего эго движением доброй воли помещается желание жить по-Божьему, следовать заповедям. Этот процесс никогда не бывает безболезненным: «ветхий человек» всячески сопротивляется, пытается отстоять свои привычки и обычаи. Нужна вера, открывающая Богу возможность напрямую помогать человеку: уже не сам по себе человек пытается справиться с темными силами души, но Бог Своей энергией, которую мы называем благодатью, соучаствует в этой борьбе.

Аскетизм прежде всего направлен на борьбу со страстями. Проблема страсти заключается в том, что она поглощает человека и делает его своим рабом. Ненасытное желание власти, славы, тех или иных вещей или денег – вот разрушительные примеры страстей, которыми сегодня страдают многие. В свою очередь, добродетель обладает не меньшей силой, чем страстность, но только направлено на достижение блага. Святые отцы говорят, что страсть паразитирует на человеке за счет неисполнения добродетелей.

Известны и те, у кого личная аскеза становится некой самоцелью, выражением гордыни. Надо

помнить, что аскетичность – это лишь средство, воспитывающее в человеке любовь к ближнему. Если аскеза есть, а любви и желания помогать ближнему нет, то самоограничения бессмысленны. Как писал святой апостол Павел,

«если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы»(1 Кор. 13:3).Сегодня любой активный деятель, в том числе и предприниматель, должен ясно понимать: как только люди перестают придавать значение нравственности в своей жизни, то их волей завладевают злые силы, которые и манипулируют их выбором, создавая только видимость свободы, приносят им несчастье и страдания, которые никак не корреспондируют с количеством денег на банковском счету.

Любая дорога начинается с первого шага. Пусть этим первым шагом для предпринимателя станет осознанная помощь ближайшему храму, детскому дому, богадельне, центру помощи молодым матерям и другим людям, которые находятся в далекой от нормы жизненной ситуации.

Доброделание – это топливо, которое поддерживает огонь веры в сердце человека, умеющего уменьшить до разумного свои привычные потребности, а появившийся избыток употребить для помощи.

– Если до 1970-х годов западный капитализм производил продукты для семейного потребления, такие как семейные фильмы, семейные квартиры, настольные игры для семей, то за последние сорок лет появились потребительство и более индивидуализированные модели потребления. Квартиры меньше, сайты знакомств обслуживают непостоянных одиночек, а смартфон, символ последнего десятилетия, является наиболее существенным личным предметом. Эта тенденция была еще более жесткой в посткоммунистической России, причем вся эволюция произошла всего за последние двадцать лет. Является ли это развитие неизбежным? Как примирить капитализм и семью?

– Капитализм некогда использовал семью как точку роста, как коллективного потребителя товаров и услуг. Но в какой-то момент человека, не имеющего прочного морального основания, удалось убедить, что персонализированные товары и услуги, более заточенные под индивидуальное потребление, лучше удовлетворяют его эгоистические потребности.

Семейная машина, квартира, фильм – это всегда компромисс. Надо потесниться, чтобы дать пространство близким, надо чем-то пожертвовать, в чем-то уступить. Зачем все эти компромиссы, если нравственное чувство, желание служить ближнему, воспитывать детей подавлено или не привито?

Это и использовали корпорации. Рынок поощряет путь наименьшего сопротивления, предлагая

людям немедленное удовлетворение по доступной цене. Привычка получать все и немедленно подрывает способность проявлять терпение и выдержку, прилагать настойчивые усилия и приносить жертвы.

Но для капитализма есть «маленькая» проблема: эгоисты не размножаются. У них нет в этом никакой потребности. Количество потребителей неуклонно снижается, ведь даже при самом высоком качестве жизни – человек смертен. Таким образом, капитализму, который не умеет «производить людей», поощряя семейные ценности, приходится завозить новых потребителей извне. Из тех регионов, где действуют другие модели поведения. Хотя бы опять собирать с них выручку. Эта нисходящая спираль, которая неизбежно закончится крахом.

Россия до последнего времени следовала этим путем, но сейчас в обществе и власти есть понимание того, что семья – это базисная ценность, а не товар или услуга. В нее надо вкладывать ресурсы, материальные, моральные, ее надо защищать и поддерживать. К такому выводу приходят все больше людей и в странах Запада, осознавая, что без традиционной семьи невозможно будущее человечества.

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/88312/>